

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)521-284.3

П. А. Бояринова

НАДЕЖДА ДУРОВА: ФЕНОМЕН ГЕНДЕРНОГО БЕСПОКОЙСТВА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Исследуется миф о первой русской амазонке, сложившийся вокруг личности Надежды Дуровой в первой половине XIX в. Для анализа используется конструкт гендерного беспокойства, введенный философом Дж. Батлер. При помощи данного конструкта рассматривается расщепленная на бинарные оппозиции социальная идентичность Н. А. Дуровой и офицера А. Александрова. Автор ставит перед собой вопросы, какие механизмы обусловили возможность существования индивида в русском обществе XIX в. в ситуации поло-гендерного несовпадения и что привело к полному отказу кавалерист-девицы от женской идентичности Надежды Дуровой в пользу мужской идентичности Александра Александрова даже после того, как тайна ее пола стала известной широкой общественности.

Ключевые слова: Надежда Дурова, гендер, гендерное беспокойство, Дж. Батлер.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.6

P. A. Boyarinoва. Nadezhda Durova: phenomenon of gender trouble in Russia in the first half of the XIX c.

This article covers the myth which was formed in the first half of the XIX c. around Nadezhda Durova, the first Russian amazon. To analyse Durova's biography and Russian society's attitude towards sex-gender mismatch. J. Butler's construct of gender trouble is being used. This methodology examines Durova's and Alexandrov's social identity splitted into two binary oppositions.

The author distinguishes three stages in myth formation about Nadezhda Durova. The first period includes Durova's military service including the Patriotic War of 1812. This phase involves a conscious creation of male identity instead of a female one. The second period is "exposure" and it is connected with publication of "The Cavalry Maiden notes" in 1836. During this period Nadezhda Durova's

© Бояринова П. А., 2016

Бояринова Полина Александровна — аспирантка кафедры Древнего мира, Средних веков и методологии истории, Томский государственный университет, г. Томск, Россия, sampo-holder@ya.ru (PhD student at the Department of Ancient History, Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University, Tomsk, Russia).

image is being formed in St. Petersburg high society. The third period describes Nadezhda's secluded life in Yelabuga. It can be considered as response to provincial people reaction towards this case of sex-gender mismatch; Durova continued performing the male identity and refused to adopt a female behavior model.

The article raises a question about mechanisms which provided existence of a person with sex-gender mismatch in Russian society of XIX c. Presumably, social identity of the "man at the service" who subordinated only to the Emperor played more significant role than gender hierarchy. However, the creation of a male officer identity required total and ultimate abandonment of female identity with no possibility of reconversion.

Key words: Nadezhda Durova, gender, gender trouble, J. Butler.

В начале XIX в. в русской армии служила первая женщина-офицер Надежда Дурова. В 1836 г. «Записки» кавалерист-девицы были опубликованы А. С. Пушкиным в «Современнике». Открытие личности первой русской амазонки произвело неизгладимое впечатление на русское общество того времени. В конце XIX в. появились биографы Дуровой, привлеченные загадочной жизнью и судьбой Надежды Андреевны. Апофеоз популярности этого образа — известный кинофильм «Гусарская баллада» (1962 г.), снятый по пьесе А. Гладкова «Давным-давно». Вплоть до сегодняшнего дня жизнью Дуровой интересовались многие историки, существует даже Музей-усадьба Н. А. Дуровой в Елабуге.

Однако никогда еще не задавался исследователями вопрос, как в традиционном русском обществе XIX в. могла существовать женщина, большую часть своей жизни выполнявшая мужскую роль. Более того, она не просто производила мужскую гендерную идентичность, но продолжала это делать, когда была раскрыта тайна ее пола. Даже когда все знали, что штабс-офицер Александр Александров — это кавалерист-девица Надежда Дурова, все равно окружающие обращались к ней по ее мужскому имени.

Поло-гендерное несовпадение получило название «гендерное беспокойство» [Butler, 1990: 8]. Гендерное беспокойство — это ситуация, когда человек переживает социокультурный шок, не имея возможности верно идентифицировать собеседника, определить его социальный статус (что критично для культур со строгой гендерно-обусловленной иерархией) [ibid.: 137]. Легче всего в традиционной культуре при помощи социально-психологического и даже физического насилия заставить человека с гендерными девиациями соответствовать нормам или прибегнуть к остракизму, чтобы избавиться от конфликта.

Термин «гендерное беспокойство» ввела философ Дж. Батлер, которая считала этот феномен лакмусовой бумажкой не только для раскрытия перформативной природы гендера как социального конструкта, но и для анализа целого ряда характеристик социума [ibid.: 87]. Изучение того, каким образом в обществе реагируют на ситуацию гендерного беспокойства, дает возможность исследовать, как формируется социальная иерархия и идентичность субъекта в данной культуре.

Социальная идентичность состоит из целого ряда структурных элементов, позволяющих определить иерархическое положение субъекта и его функциональную принадлежность. Ситуация гендерного беспокойства — редкое явление, но оно способно показать, какую роль играет гендерная идентичность

в структуре социальной идентичности данного общества. То, как и при помощи каких механизмов общество преодолевает тревогу, связанную с поло-гендерным несовпадением, помогает установить социальные институты, являющиеся опорными для данной культуры.

Вероятно, исследуя историю жизни Надежды Дуровой, мифа, сложившегося о ней, а также реакцию общества, мы сможем понять: какие именно механизмы сделали возможным выход отдельной личности за рамки фаллоцентристской матрицы традиционного общества; как русское общество разделяло и воспринимало конструкты пола и гендера; что могло повлиять, кроме личностных факторов, на решение Надежды Андреевны всю жизнь жить под именем Александра Александрова.

Предмет настоящего исследования — общественные представления о гендерной интриге, разыгравшейся в России первой половины XIX в., т. е. сам миф о Надежде Дуровой и реакция общества на него. В силу этого можно выделить несколько этапов в развитии данного мифа.

Первый этап — поступление Дуровой на службу и война 1812 г. («Записки», «Война 1812 года»). История превращения Н. А. Дуровой в штабс-ротмистра А. Александрова показывает, какие трудности ей пришлось преодолеть на пути создания новой мужской гендерной идентичности, как сослуживцы воспринимали ситуацию гендерной интриги, какие ходят слухи о девице в армии и за ее пределами.

Второй этап — «разоблачение». В 1836 г. в «Современнике» появляются «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным». И общественность наконец-то узнает если не правдивую (как характеризует ее сама Дурова), то по крайней мере полную историю кавалерист-девицы. В автобиографических записках «Детские лета мои» Надежда Андреевна пытается дать объяснение своему пристрастию к военной службе, а также проанализировать свои отношения с отцом и матерью. Хотя многие «факты» были искажены и не находят документального подтверждения, тем не менее после публикации они стали важной частью мифа.

В этот период Надежда Андреевна переезжает в Петербург, занимается литературным творчеством, о ней оставляют воспоминания в своих дневниках и прочих документах столичные дамы и видные литературные деятели. О данном периоде Дурова пишет заметки под названием «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения», некоторые материалы можно найти в ее переписке с А. С. Пушкиным.

Третий этап — уединенная жизнь в Елабуге (1841—1866 гг.), о которой можно судить по переписке Дуровой с городничим Э. О. Ерlichem и информации, собранной первыми биографами Н. А. Дуровой (Н. Н. Блинов, Ф. Ф. Лашманов, Е. С. Некрасова).

Доподлинно известно, что Н. А. Дурова в 1806 г. покинула отчий дом и отправилась за казачьим полком. На тот момент ей исполнилось уже 23 года, за плечами было неудачное замужество (ее муж сбежал и был признан пропавшим без вести) и трехлетний сын. В течение первых 23 лет жизни Надежда Андреевна следовала практике поло-гендерного совпадения, ей прививали женские манеры, женский язык и учили производству женского гендера, хотя Дурова, по ее собственным воспоминаниям, сопротивлялась этому процессу.

В казачьем полку Дурова прожила в течение года под покровительством майора Балабина, нося мужское платье и изучая новые привычки. «Приемы и самый простой способ изъясняться», т. е. манеру поведения, Дурова могла изменить и впоследствии изменила. Например, она научилась курить трубку, стоять уперев руки в бока, сидеть закинув ногу на ногу, что для женщины светского общества считалось верхом неприличия [Бегунова, 2011: 92]. Ей было необходимо полностью перестроить свою идентичность так, чтобы, невзирая на внешность, Надежду Андреевну воспринимали в качестве мужчины. Одно только серьезное подозрение могло разрушить всю жизнь Дуровой. Даже после легитимизации ее роли императором кавалерист-девица переживала, что ее «ожидает тьма толков, заключений, предположений и клевет, как только пол ее откроется» [Записки Александрова... , 1839].

В конце концов Дурова вынуждена была покинуть дом Балабиных именно из-за того, что ее разоблачили казачьи жены [Бегунова, 2011: 93]. Женской проницательности кавалерист-девица боялась всю жизнь: «Я не люблю тех обществ, где много женщин. <...> Довольно женщине посмотреть на меня пристально, чтобы заставить меня прийти в замешательство: мне кажется, что взгляд ее пронизывает меня; что она по одному виду моему угадывает мою тайну» [Записки Александрова... , 1839].

В 1807 г. в Гродно Надежда Андреевна завербовалась в конный польский (уланский) полк под именем Александра Соколова. Судя по всему, в рядах товарищей постоянно ходили слухи, что Соколов (позднее — Александров) — женщина. Однако в военном сообществе принято хранить свои тайны, потому, возможно, эти слухи не являлись поводом для разоблачения или скандала, а также не требовали проверки [Бегунова, 2011: 93]. Больше всего Дуровой доставалось опять-таки от солдаток: «Мои однополчанки не пропускают случая приводить меня в краску, называя в шутку: гусар-девка!» [Записки Александрова... , 1839].

Однако такие шутки, похоже, были скорее типичными для внутригрупповой социализации в среде военных. Шутки об излишней женственности использовались в качестве манипуляции, но не представляли серьезной угрозы. Изредка все же, видимо желая подшутить, боевые товарищи намекали на отсутствие усов у Надежды Андреевны. Некоторые, стремясь уколоть Дурову или «пожурить», иронизировали по поводу недостаточной мужественности во внешнем виде или поведении. Сама кавалерист-девица вкладывает в уста товарища по фамилии Вонробка, упрекавшего Дурову в излишней скромности, следующие слова: «Если бы у меня была жена такая скромная и стыдливая, как ты, я целовал бы ноги ее; но если бы с такими же качествами был сын мой, я высек бы его розгами» [там же].

В основном мужчины предпочитали не акцентировать внимания на половом вопросе и воспринимали Надежду Андреевну как воина. Это видно из воспоминаний Д. В. Давыдова: «Дурову я знал, потому что я с ней служил в арьергарде во все время отступления нашего от Немана до Бородина. <...> Я помню, что тогда поговаривали, что Александров — женщина, но так, слегка. ...Но много ею не занимался, не до того было, чтобы различать, мужского или женского она роду; эта грамматика была забыта тогда» [Переписка А. С. Пушкина, 1982: 482].

Отец Надежды Андреевны, Андрей Васильевич Дуров, относился к поступку дочери крайне негативно и даже после ее встречи с императором продолжал писать в высокие инстанции с просьбой вернуть «несчастную», чтобы «иметь ее дома хозяйкою» [Бегунова, 2011: 180]. Именно благодаря прошениям А. В. Дурова Александру I и стало известно о женщине-воине. Дурову было велено разыскать, выяснить обстоятельства ее пребывания в действующей армии и доставить к императору. Похоже, изначально не могли представить, что Дурова была солдатом и успешно выполняла мужские функции, потому было необходимо узнать о настоящем положении этой женщины в русской армии.

С одной стороны, дело в том, что по Воинскому артикулу нельзя было инкриминировать Дуровой подделку документов или самозванство, но зато имелась глава «о содомском грехе, насилии и блуде» [там же: 164]. С другой стороны, для русского общества того времени было очевидно, что тайное пребывание вдовствующей женщины в армии вызывает закономерные подозрения в занятиях, которые она может иметь, живя среди мужчин.

Таким образом, Н. Дурова устаивается встречи с Александром I, так как император получает более чем удивительные сведения о военной службе кавалерист-девицы, которая заслужила множество похвал. Изначально император хотел вернуть Дурову в отчий дом, но она упросила оставить ее служить. Александр I дал Дуровой свое имя — Александр Александров, которым Надежда Андреевна подписывалась и дорожила до конца жизни, а также наставление хранить инкогнито, не проявлять модели поведения светской дамы и видеть в окружающих мужчинах только своих однополчан [Избранные сочинения... , 1983: 199]. Дурова, в свою очередь, благодарит императора за то, что дал ей свободу, и восхваляет доброту, ум и «великий дух», имевший «силу постигнуть возможность высоких доблестей в слабом поле» [там же: 200].

В этот момент Надежда Дурова в социальном смысле (как носитель женской гендерной роли) практически исчезает, так как уже нельзя отследить никакой ее юридической, финансовой или социальной активности в роли женщины. И появляется Александр Александров — носитель мужской гендерной роли, чья идентичность формируется в основном из маскулинного образа служилого (военного) человека.

Чтобы родственники ее не нашли, она меняет место службы, ей создают официальные документы на имя Александра Александрова. Но чем больше людей узнают о существовании русской амазонки, тем больше слухов рождается в армии и обществе. Некоторые из этих мифов Дурова слышала сама и оставила в своих «Записках»: «Замечаю я, что носится какой-то глухой, невнятный слух о моем существовании в армии. Все говорят об этом, но никто, никто ничего не знает; все считают возможным, но никто не верит; мне не один раз уже рассказывали собственную мою историю со всеми возможными искажениями: один описывал меня красавицею, другой уродом, третий старухою, четвертый давал мне гигантский рост и зверскую наружность и так далее...» [Записки Александра... , 1839].

В обществе особенно широко распространились слухи о женщине в армии во время Отечественной войны 1812 г. в укор тем, кто уклонялся от службы. Иностранка М. Вильмонт описывает, какую необычную форму приняло

беспокойство среди крестьян, которые спешили повенчать и переженить даже детей 10—13 лет, страшась, что девушек начнут забирать на государеву службу в армию. А «в некоторых деревнях священники советовали крестьянам поторопиться, потому-де что скоро выйдет новый указ, запрещающий все свадьбы до тех пор, пока не наберут полки» [Дашкова, 1987: 398—399].

Напряжение, возникающее в обществе ввиду нестандартной ситуации, которую невозможно классифицировать, и есть проявление гендерного беспокойства. Если раньше в сознании простых людей военная служба соотносилась только с мужским полом, то теперь становится непонятным, что влечет за собой такое диссонирующее с прошлым опытом положение дел. Единичный случай, не вписывающийся в систему бинарных оппозиций, вызывает беспокойство о том, что женщин будут забирать в армию, куда большее, чем беспокойство о мужчинах, которые уходят на войну.

В 1816 г. Надежда Дурова под именем Александра Александрова вышла в отставку. Здесь тоже возникли правовые сложности: Дурова покидала службу, потому стоял вопрос, вернется ли она снова к женскому обличью. Как женщине ей не могли назначить офицерскую пенсию, но как мужчина в будущем она не могла рассчитывать на то, чтобы выйти замуж и завести семью. В итоге указ об отставке и пожизненная пенсия были назначены штабс-ротмистру Александру Александрову [Валитова].

По-настоящему сложился образ русской амазонки после публикации «Записок» Дуровой в «Современнике» в 1836 г. Раскрытие этой тайны всколыхнуло общественность снова. Кавалерист-девица пишет в «Автобиографии»: «До издания Записок моих существование мое считалось от многих мифом, а другие полагали, что я не выдержал трудной кампании 12-го года и умер» [Дурова, 1999: 378]. Теперь же носительница столь неоднозначной истории предстала во плоти. Надежда Андреевна сама создала мифологизированную часть своей истории и предложила обществу объяснения своего поступка.

Много внимания Надежда Дурова уделила детским годам, на каждом этапе взросления стараясь передать свои отличия от других девочек. Дурова написала, что мать ее хотела родить сына, потому сразу невзлюбила дочь-богатыря [там же: 51], а затем неприязнь эта только усилилась: «Мое рождение, пол, черты, наклонности — все было не то, чего хотела мать моя» [Записки Александрова... , 1839].

Надежда Андреевна описывает себя живым, подвижным ребенком. По сравнению с другими девочками она ничего не боялась, а также часто придумывала всяческие шалости, о чем пишет в «Добавлении к кавалерист-девице» (1839). Большой упор Дурова делает на роль своего воспитания в военном лагере. Это является настолько важной частью мифа, что кавалерист-девице пришлось выдумать отцу гусарский чин, а себе флангового гусара Астахова, который якобы стал ее нянькою [Дурова, 1999: 53]. Дурова прикладывает огромные усилия, чтобы убедить общество в том, что она изначально имела склонности к мужскому поведению. Она проводит много параллелей между собой и отцом и изображает полное непонимание со стороны матери.

Вообще тема образов отца и матери — отдельный разговор, так как у Дуровой проведена четкая граница между деспотичной и ненавидящей ее матерью

и любящим, все позволяющим отцом. В уста матери Надежда Андреевна вкладывает самые жестокие слова о женской доле в обществе и даже пишет, что, «может быть, забыла бы, наконец, все свои гусарские замашки и сделалась обыкновенною девицею, как и все», если бы мать ее «не представляла в самом безотрадном виде участь женщины» [Записки Александрова... , 1839]. Отцу же приписан один-единственный порок — любовь к женщинам. О том, что А. В. Дуров был против службы дочери в армии и хотел вернуть ее вести хозяйство, кавалерист-девица не упоминает ни в одном издании «Записок».

Вообще Дурова в «Записках» не раз сравнивает тяготы солдатского положения и положения «девицы». И находит трудности военной службы незначительными в сравнении с обретенной свободой действия, избавлением от контроля власти родителей или мужа. Кавалерист-девица пишет, что только одни ее сверстницы поймут восхищение свободой: «Я прыгаю от радости, воображая, что всю жизнь мою не услышу больше слов: “Ты, девка, сиди. Тебе неприлично ходить одной прогуливаться!”» [Дурова, 1999: 101].

На страницах «Записок», посвященных войне 1812-го, Дурова замечает: «Смертельно боюсь изнемочь; впоследствии это припишут не чрезмерности стольких трудов, но слабости моего пола!» [Записки Александрова... , 1839]. Она постоянно оглядывается на общественное мнение, чувствуя уязвимость своего положения, борется с ощущением недостойности: она готова скорее получить ранение или распрощаться с жизнью, нежели показать в себе робость или недостаток мужества.

Часть своей истории Надежда Андреевна выдумала, а часть — замолчала. Для создания автобиографии в «Записках» Дурова буквально вычеркнула из своей жизни 6 лет, включавших замужество, рождение сына и год жизни с казачьим есаулом (см.: [Блинов, 1888: 415—416]), и уменьшила себе возраст на 6 лет. Для обретения мужской гендерной идентичности требовалось забыть все связанное с женской идентичностью. Дурова описывает свое поведение в детские годы так, чтобы указать отсутствие всяческой склонности к женскому поведению. На страницах «Записок» Надежда Андреевна не дает себе возможности стать взрослой девицей и женщиной, она сразу убегает на службу, облачившись в мужскую одежду.

Возможно, в произведении «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» кавалерист-девица выражает свое отношение к «забытым» в «Записках» и «Автобиографии» годам. Дурова в литературной форме описывает судьбу некой Елены Г., которую неудачно выдают замуж и жизнь которой заканчивается трагически. История Елены Г. до определенного момента созвучна истории Дуровой: мать поспешно инициирует свадьбу, семейная жизнь героини не складывается, затем муж Елены Г. исчезает, оставив только записку, чтобы героиня считала себя свободной от уз брака. Дальше история Дуровой нам известна, а ее героиня Елена Г. заводит любовника, после становится содержанкой богатого татарского князя и в конце концов оказывается на улице больной нищенкой и алкоголичкой [Дурова]. По концовке несложно понять, что Дурова считает свой путь верным: Надежда возвращается в родной город штабс-ротмистром, встречает на улице больную, изуродованную нищенской жизнью Елену и подает ей милостыню [Бегунова, 2011: 52].

Надежда Андреевна видит свое спасение в решении поступить на службу в армию. Этот путь не только избавил ее от трагической судьбы (как она считала), но и принес честь, славу, а после публикации «Записок» и известность. Дурова прожила год в Петербурге, часто бывала в гостях и на балах, так как ее история интересовала общественность и каждый хотел познакомиться с кавалерист-девицей и показать ее гостям.

Для самой Дуровой появление в невоенной среде, да еще и столичной, стало трудным испытанием. Е. С. Некрасова предположила, что сложности Надежды Андреевны были связаны с тем, что она выросла в провинции, среди патриархальных нравов [Некрасова, 1890: 610]. Однако, похоже, Дурова в первую очередь считала себя человеком военным и ждала, что так ее и воспримут в обществе (как воспринимают любого другого мужчину в офицерском чине). В «Автобиографии» она пишет: «Заменив уланский колет фракком, я едва не пришел в отчаяние, когда первый часовой, мимо которого я прошел, не стал во строю и не взял на плечо, как следовало при виде офицера. <...> Я не мог выносить такого совершенного отчуждения от главного элемента жизни моей» [Дурова, 1999: 376—377].

В салонах столичной знати Дуровой пришлось отвечать на трудные для нее вопросы о солдатской жизни. Особенно донимали женщины, спрашивая о «женских» особенностях жизни в лагере. Кавалерист-девица недоумевала, как могли они решиться говорить ей подобные вещи [Бегунова, 2011: 155—156]. Дурова считала, что женщины должны были воспринимать ее как любого другого мужчину-солдата и не лезть в дела военные, подробности о которых знали только имеющие воинское звание. Женщины же не воспринимали мужскую гендерную идентичность Дуровой в полной мере. Во многом это происходило потому, что для женщины в традиционном обществе мужественность связана с семейным статусом (отца, мужа, потенциального жениха).

Судя по всему, на столичных дам Надежда Андреевна не производила впечатления. Ею интересовались как феноменом, но интерес быстро угасал [Некрасова, 1890: 611]. Авдотья Панаева (Головачёва) оставила в своих воспоминаниях описание Дуровой, из которого можно судить, что женщины находили кавалерист-девицу некрасивой. Кроме того, Панаева отметила «мужские» манеры и внешний вид Дуровой: «Волосы были коротко острижены и причесаны, как у мужчин. Манеры у нее были мужские; она села на диван, положив одну ногу на другую, уперла руку в колено, а другой держала длинный чубук и покуривала» [Головачёва, 1889: 293].

Столичные дамы оценивали успешность и интересность Дуровой по канонам женственности, в которые входили внешность, манеры, умение вести светскую беседу, а также семейный статус. Во всем этом кавалерист-девица проигрывала.

Надежда Андреевна Дурова продолжала подписываться и представляться именем Александр Александров, говорила и писала о себе в мужском роде (везде, кроме «Записок»). Когда кто-то с ней обходился как с женщиной, она терялась. Когда кто-то, обращаясь к кавалерист-девице, употреблял ее женское имя, она сердилась и не находила себе места.

Именно А. С. Пушкин, печатая воспоминания русской амазонки в «Современнике», озаглавил их «Записки Н. А. Дуровой», на что получил письмо с просьбой изменить название: «Имя, которым вы назвали меня, милостивый государь Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! ... Я вздрагиваю, как только вздумаю, что 20 тысяч уст его прочитают и назовут» [Переписка А. С. Пушкина... , 1982: 498—499].

Дурова в своей повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» замечает, что Александр Сергеевич «приходил в приметное замешательство», когда она говорила о себе в мужском роде. Надежда Андреевна объясняет это своей привычкой к мужскому поведению: «Я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролею, обратившеюся мне уже в природу» [Дурова, 1999: 248]. В свою очередь, кавалерист-девица была смущена поведением Пушкина, который не только говорил с ней «тем языком, каким обыкновенно люди образованные говорят с дамами», но и поцеловал Дуровой руку на прощание. После чего она так смутилась, что покраснела и ответила: «Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого!» [там же: 249].

Скоро Дурова наскучила столичному обществу, ей начали оказывать холодный прием, что Надежда Андреевна отразила в повести «Год жизни в Петербурге». Она недоумевала, почему люди, ранее встречавшие ее столь радушно, быстро охладевали. Поэтому после получения денег за свои «Записки» и литературные произведения Дурова уехала в Елабугу и купила там усадьбу.

В Елабуге каждый знал, что Александр Александров — псевдоним «гусара-девки», на которого первое время приходили дивиться местные жители и жители соседних селений [Лашманов, 1890: 658]. Сначала о Дуровой ходили различные слухи и сплетни. Когда Надежда Андреевна, всегда любившая животных, обзавелась целым зверинцем из беспризорных кошек и собак, люди начали говорить, что «природа великая вещь и ее по-своему не переделаешь и что девица в 40—50 лет становится старою девою» [там же: 660].

Первый биограф кавалерист-девицы Н. Н. Блинов написал в своей статье, что И. В. Чернов (сын Дуровой) просил у матери благословения на брак, но, увидев в письме обращение «маменька», Дурова разорвала его, не читая. Тогда Чернов послал второе письмо, обратившись к матери официально: «Ваше благородие господин штабс-ротмистр», и получил благословение [Блинов, 1888: 420]. Однако Блинов не имел никаких документов, подтверждающих это [Бегунова, 2011: 76—77]. Скорее всего он пересказывал один из елабужских мифов о Дуровой.

Довольно скоро жители Елабуги обнаружили, что кавалерист-девица обладает мягким сердцем и состоит в хороших отношениях с городничим Э. О. Ерlichem. К Дуровой потянулась вереница просителей, что отражено в сохранившихся записках Надежды Андреевны к городничему с просьбами помочь ее «протеже» [Лашманов, 1890: 659]. Когда Эдуарду Осиповичу надоедало такое чрезмерное участие Дуровой, то он обращался к ней не по обыкновению «многуважаемый Александр Андреевич», а говорил: «Мое почтение, Надежда Андреевна, как поживаете?», затем прибавляя: «Ах, извините пожалуйста, а я было принял вас за одну свою знакомую...» [там же: 662]. Это так обижало Дурову, что она тут же уходила и некоторое время не общалась с городничим.

В остальном Надежда Андреевна жила в Елабуге тихой уединенной жизнью, потому неудивительно, что на ее похороны не пришло много народа. Зато похороны кавалерист-девицы почтил местный кадровый батальон «приличным воинским конвоем» [Блинов, 1888: 420].

Сложно сказать, когда действительно Надежде Дуровой пришла в голову мысль пойти на службу в армию: еще в детстве (как пишет сама Дурова) или после неудачного замужества и знакомства с расквартированным в родном городе казачьим полком. Однако очевидно, что Надежда Андреевна всегда крайне критично относилась к положению женщины в современном ей русском обществе.

Дуровой хотелось обрести свободу и осуществить свою мечту — поступить на военную службу. Для этого будущей кавалерист-девице пришлось решить сложнейшую задачу — освоить во всех деталях производство другой гендерной роли, что не значило просто остричь волосы и надеть мужское платье. В казачьем полку Дурову очень быстро разоблачили, так как она только училась вести себя по-мужски. Обучение включало освоение мужского стиля речи (сильно отличного в то время от женского) и мужских манер (как правильно ходить, стоять, сидеть, курить). Конечно, обычно люди усваивают все данные практики естественно в процессе инкультурации, но Надежде Андреевне пришлось сознательно учиться быть мужчиной, чтобы социум воспринимал ее как мужчину. В этом состоит перформативная природа гендера, который конструируется практиками, а не предопределяется биологическим полом.

История Дуровой показывает, как гендерное беспокойство проявляется сразу на многих уровнях. На правовом уровне вопрос был решен только в результате поступления на службу — Дурова стала «государевым человеком». После этого ни отец, ни муж не были властны вернуть ее и распорядиться ее жизнью, а могли лишь просить императора о возвращении беглянки [Бегунова, 2011: 163]. Именно Александр I своим высочайшим повелением решает правовые вопросы — с того времени, по сути, Надежда Дурова (женщина) исчезает, а появляется Александр Александров (мужчина), который имеет официальные документы, военное звание (а следовательно, принадлежность к определенному социальному слою), жалованье (которое обеспечивает Александрову средства к существованию и экономическую независимость).

Неудивительно, что, выйдя в отставку, Дурова не возвращается к женскому гендеру: для того времени она не состоялась как женщина (она вдова, отдавшая своего сына на воспитание отцу). Все достижения Надежды Андреевны, ее социальный статус и экономическое благополучие были связаны с мужской гендерной идентичностью Александра Александрова, коим Дурова осталась до конца жизни. Надежда Дурова как женщина ни на что не могла претендовать, кроме того чтобы стать приживалкой в отцовском доме. Александр Александров же был штабс-ротмистром в отставке, героем Отечественной войны и кавалером Георгиевского креста.

В российском обществе XIX в. служба оказалась выше гендера. Дурова смогла доказать, что приносит пользу на государственной службе, и имела тому подтверждения в виде рапортов, составленных для Александра I. Причем мужчины реагировали на ситуацию поло-гендерного несовпадения куда легче.

Служивцы воспринимали Дурову как товарища. В армии и на войне важнее было, как Дурова справляется со своей службой. Позже литературное творчество Надежды Андреевны высоко оценили А. С. Пушкин и В. А. Жуковский. Достижения Дуровой мужчинами воспринимались как показатели социального статуса, что облегчало дешифровку идентичности, которую представляла Дурова.

Самые большие трудности возникали у кавалерист-девицы с женщинами, неизменно воспринимавшими Дурову как женщину и поэтому оценивавшими ее женские качества. Дамы отмечали то, что Дурова была некрасива, а также недоумевали, почему Надежда Андреевна не хочет с ними посплетничать о военной жизни. В свою очередь, Дурова не понимала, как к ней, воину и офицеру, дамы могут обращаться так вольно и без соблюдения всяких приличий.

Сама Надежда Дурова, проведя десятилетие в армии, похоже, полностью приняла свою новую идентичность. Она считала себя в первую очередь военным и по привычке присваивала себе мужской язык и манеры. Нужно отметить, что в светском обществе Дурова тоже не смогла освоиться, так как огромная часть ее социальной идентичности была связана прежде всего с военной службой — делом ее жизни.

Библиографический список

- Бегунова А. И. Надежда Дурова. М.: Вече, 2011. 432 с.
- Блинов Н. Н. «Кавалерист-девица» и Дуровы: (из Сарапульской хроники) // Исторический вестник. 1888. Т. 31, № 2. С. 414—420.
- Валитова Ф. Х. Участие Н. А. Дуровой в заграничных походах 1807—1814 гг.: лекция. URL: http://www.elabuga.com/durov/durova_03_ru.html (дата обращения: 27.11.2015).
- Головачёва (Панаева) А. Я. Воспоминания // Исторический вестник. 1889. Т. 35, № 2. С. 291—333.
- Дашкова Е. Р. Записки; Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. М.: Изд-во МГУ, 1987. 496 с.
- Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1999. 396 с.
- Дурова Н. А. Игра судьбы, или Противозаконная любовь: истинное происшествие, случившееся на родине автора. URL: http://az.lib.ru/d/durowa_n_a/text_0120.shtml (дата обращения: 27.11.2015).
- Записки Александрова (Дуровой): дополнение к кавалерист-девице. М., 1839. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Durova/> (дата обращения: 27.11.2015).
- Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М.: Моск. рабочий, 1983. 479 с.
- Лашманов Ф. Ф. Надежда Андреевна Дурова: материалы к ее биографии // Русская старина. 1890. Т. 67, № 9. С. 657—665.
- Некрасова Е. С. Надежда Андреевна Дурова (псевдонимы: Девица-кавалерист, Александров) // Исторический вестник. 1890. Т. 41, № 9. С. 585—612.
- Переписка А. С. Пушкина: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 575 с.
- Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London: Routledge, 1990. 272 p.

References

- Begunova, A. I. (2011) *Nadezhda Durova*, Moscow: Veche.
- Blinov, N. N. (1888) “Kavalerist-devitsa” i Durovy: (Iz Sarapul’skoĭ khroniki) [The Cavalry Maiden and the Duroves: (From Sarapul chronicle)], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 31, no. 2, pp. 414—420.
- Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, London: Routledge.
- Dashkova, E. R. (1987) *Zapiski; Pis'ma sestior M. i K. Vil'mont iz Rossii* [Notes; Sister M. and K. Wilmont letters from Russia], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Durova, N. A. *Igra sud'by, ili Protivozakonnaia liubov': Istinnoe proisshestvie, sluchivsheesia na rodine avtora* [Game of fate or Illegal love: The real incident that happened in the homeland of the author], available from http://az.lib.ru/d/durowa_n_a/text_0120.shtml (accessed 27.11.2015).
- Durova, N. A. (1999) *Zapiski kavalerist-devitsy* [The Cavalry Maiden notes], Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Golovachiova (Panaeva), A. Ia. (1889) Vospominaniia [Memories], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 35, no. 2, pp. 291—333.
- Izbrannye sochineniia kavalerist-devitsy N. A. Durovoi* (1983) [The Cavalry Maiden Durova N. A. selected writings], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Lashmanov, F. F. (1890) Nadezhda Andreevna Durova: Materialy k eio biografii [Nadezhda Andreevna Durova: Materials to the biography], *Russkaia starina*, vol. 67, no. 9, pp. 657—665.
- Nekrasova, E. S. (1890) *Nadezhda Andreevna Durova (pseudonimy: Devitsa-kavalerist, Aleksandrov)* [Nadezhda Andreevna Durova (pseudonyms: the Cavalry Maiden, Alexandrov)], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 41, no. 9, pp. 585—612.
- Perepiska A. S. Pushkina*: in 2 vols (1982) [A. S. Pushkin's correspondence], Moscow: Hudozhestvennaia literatura, vol. 2.
- Zapiski Aleksandrova (Durovoi): Dopolnenie k kavalerist-devitse* (1839) [Notes of Aleksandrov (Durova): Addition to the Cavalry Maiden notes], available from <http://www.museum.ru/1812/Library/Durova/> (accessed 27.11.2015).

Статья поступила 23.02.2016 г.